

*Open File
Открытая линия*

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ КВАЗИСИМВОЛА

¹⁾Григорий Токарев, ²⁾Надя Чернева

¹⁾Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия)

²⁾Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского (Болгария)

Резюме. Авторы статьи исходят из положения о том, что квазисимвол является разновидностью символа культуры. Установлено, что вербальная природа квазисимвала определяет специфику его значения и функционирования. Вербальная оболочка символического значения является более пластичной, чем невербальная. Квазисимволы могут употребляться как абсолютно, в виде самостоятельных цельнооформленных единиц, так и неабсолютивно, в составе фразеологизмов и паремий. Определение квазисимвала осуществляется путём моделирования ситуации, в которой он реализует свой акциональный потенциал. В когнитивном аспекте квазисимвол соотносится с прототипом. Выявлено, что семантика квазисимвала формируется на основе коннотаций слов. План содержания квазисимвала открыт для генерирования новых смыслов. Значение единицы характеризуется абстрактностью, калейдоскопичностью, ориентированностью на ситуацию. Обосновано, что квазисимвол является своеобразным конструктором и регулятором действительности. Доказано, что ключевую роль в семантике квазисимвала играет образное основание: оно формирует когнитивно-семантическую платформу для образования новых семантических слоёв, выступает в качестве средства объективации идеи, репрезентирует типичную ситуацию, реализует интенцию императивности, выполняет семиотическую функцию. При образовании семантических слоёв квазисимвала работают универсальные модели переноса по смежности и сходству. Акциональность, императивность семантики квазисимвала обуславливает его энергийный потенциал. Определено, что квазисимволы ценностно ориентированы: их можно распределить на идеологически детерминированные и недетерминированные. В ходе анализа установлено, что квазисимволу свойственны следующие признаки: абстрактная семантика, образность, калейдоскопичность, ситуативная ориентированность, императивность, прецедентность, семантическая многогранность, парадигматичность.

Ключевые слова: язык; культура; символ; квазисимвол; семантика; pragmatika

Введение

Антрапоцентристическая парадигма, в которую вступила лингвистика на рубеже XX – XXI веков, создала условия для появления наук синкретичного

типа. Одной из таких областей знания является лингвокультурология – направление, изучающее интеракцию языка и культуры. Первое определение лингвокультурологии было дано В.Н. Телия: «Лингвокультурология – это та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» (Telia, 1986: 217). Лингвокультурология получила стремительное развитие. После выхода программной монографии В.Н. Телия «Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» (1996) появилось множество работ, в которых рассматривались вопросы, связанные с способами и средствами кодирования культурного знания языковой материей. В ходе научного поиска были сформулированы основные положения лингвокультурологического анализа. Перечислим наиболее важные из них.

1. Культура представляет собой сложную семиотическую систему. Культурные знания манифестируются разными языками, одним из которых выступает естественный язык (Lotman, 2000: 13).

2. Смежное расположение системы культуры и языка в гамме знаковых систем (Stepanov, 1971: 91) обусловливает их тесное взаимодействие. По закону иерархического строения, сформулированного Ю.С. Степановым, одна система может становиться планом выражения другой: «Очень важный частный случай этого закона касается семиотических систем, действующих в человеческом обществе... Тут отношения семиотических систем более тесные, и одна не просто выше или ниже другой на иерархической лестнице, но одна служит сверх этого либо планом выражения, либо планом содержания другой» (Stepanov, 1971: 91). В частности, естественный язык становится планом выражения для системы культуры.

3. Результатом смежности системы языка и культуры, их тесного взаимодействия является промежуточный – лингвокультурный – уровень, на котором функционируют вербальные единицы, выполняющие функции, присущие знакам культуры. (Tokarev, 2018).

4. Культурная специфика маркирует все языковые уровни. Основной формой хранения культуры становится текст, выражающий определённую упорядоченную систему ценностей – тезаурус культуры, под которым В.Н. Телия предлагает понимать «таксонимическое представление концептуального содержания текста» (Telia, 1999: 20).

Настоящее исследование опирается на данные положения и посвящено развитию третьего, а именно – изучению специфики квазисимвола.

Основная часть

В статье «Единицы языка и единицы лингвокультуры» (Tokarev, 2018) мы, опираясь на работу В.Н. Телия, определили несколько типов лингвокультурных единиц: квазисимволы, квазиэталоны, квазимеры, безденотатные едини-

цы, вербальные обереги. Мы разделяем позицию учёного об особом культурно-семиотическом статусе подобных единиц. В этих целях В.Н. Телия была образована целая серия новых лингвокультурологических терминов с приставкой *квази*-, с помощью которой исследователь подчёркивал особую, вербальную природу данных явлений (Telia, 1996: 243). Следует учесть, что они отличаются от других знаков культуры прежде всего способом представления культурной информации. В материальной культуре известно немало случаев, когда тот или иной артефакт наделялся культурной функцией. Для примера приведём обычную булавку, которая использовалась в том числе и как оберег от сглаза. Функциональная специфика как у вербального, так и невербального культурного знака является тождественной. Культура избирает вербальную единицу и наделяет её культурной функцией: фиксировать норму, защищать, консолидировать своих, противопоставлять своё чужому и т.д. Несмотря на широкое распространение лингвокультурных единиц данный феномен остаётся малоизученным, что определяет актуальность предпринятого исследования. Цель настоящей статьи – рассмотрение признаков квазисимвола.

Отправной точкой нашего исследования служит положение о том, что квазисимвол является разновидностью символа культуры. Из этого следует, что признаки невербального символа могут быть экстраполированы на квазисимвол.

Исследование проблемы символа культуры имеет давнюю историю. Существует ряд работ, в которых предпринята успешная попытка осветить эволюцию осмысления данного феномена с античности до наших дней. (Лосев, Зубко, Рубцов и др.) Несмотря на существующие теории символа А.Ф. Лосев отмечал неопределенность данного понятия и необходимость его дальнейшей разработки (Losev, 1982: 439).

Н.Н. Рубцов предлагал понимать под символом «модельно-целостное, закономерно-сущностное отражение окружающей нас действительности, отражение, в котором посредством иного наглядного выражения или образа предстаёт обобщённый принцип конструирования этой действительности, с одной стороны, потенциально содержащий все возможные её проявления, а с другой – обладающий огромной силой практически-преобразующего на неё воздействия» (Rubcov, 1991: 34). Таким образом, для исследователя оказываются важными следующие признаки символа: целостность, образность, обобщённость, модельность, которые могут быть приписаны и квазисимволу.

Рассмотрение верbalного символа часто осуществлялось в сравнении с смежными понятиями знака, образа, аллегории, метафоры и др. (См. Арутюнова, Рубцов, Тодоров и др.) В данных исследованиях подчёркивалось, что главным дифференциальным признаком символа является его функциональная специфика. «Стать символом значит приобрести определяющую

жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения...» (Arutyunova, 1999: 338), Н.Д. Арутюнова этот признак назвала «императивностью» (Arutyunova, 1999: 341). Это означает, что основной функцией квазисимвола является не номинация идей, а воздействие на поведение интерпретатора.

При верификации вербальной единицы как квазисимвола используется приём «примеривания на себя» его семантики, который С.С. Аверинцев назвал «вживанием»: «Смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка, в него надо вжиться» (Averintsev, 1972: 826). «Вживание» в квазисимвол означает переживание ситуации, в которой он функционирует, проецирование её на себя, ощущение установки на реализацию определённой поведенческой модели. По наблюдениям М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, в этом случае происходит реконструкция ситуации функционирования символа: «Символы соотносятся с пониманиями, и поэтому оперирование символом как «знаком» предполагает не реконструкцию денотата этого знака, а реконструкцию субъективной ситуации порождения как денотата, так и знака, то есть ситуацию понимания» (Mamardashvili & Pyatigorsky, 1997: 99 – 100). Так, квазисимвол *борода* связан с реализацией поведенческой модели, в которой существенными оказываются признаки маскулинности, возраста, традиционности; квазисимвол *горб* организует ситуацию тяжёлого физического труда. Акциональная ориентированность квазисимвола определяет в качестве обязательного условия при толковании его семантики использование элементов: учи, будь готов к тому и т.п.

Символическая семантика репрезентируется преимущественно существительными: *брюхо, глаз, глотка* и др. Исключение составляют некоторые прилагательные, обозначающие колоративы: *белый, чёрный, жёлтый* и др. Квазисимволы могут употребляться как абсолютно, в виде самостоятельных цельнооформленных единиц, так и неабсолютивно, в составе фразеологизмов и паремий: *русский человек любит авось, небось да как-нибудь / будешь эту банию помнить до новых веников / век изжил, всё прожил – горб нахил.* Верbalная оболочка для символического значения является более пластичной, чем невербального.

Несомненно, что вербальная природа квазисимвола определяет специфику его значения и функционирования. За квазисимволом стоит определённое семиотическое пространство, культурный текст, который разворачивает и детализирует семантику квазисимвола. Семантика квазисимвола формируется на основе коннотаций слов. Например, семантические слои квазисимвола *азбука* сформировались из коннотаций: ‘начало’, ‘простой’, ‘истина’. С.С. Аверинцев настаивал на том, чтобы квалифицировать план содержания квазисимвола не как комплекс значений, а как многослойную семантическую структуру, что определяется её нестабильностью (Averintsev, 1962 – 1978: 607). Так, се-

мантику выше названного символа можно только наметить. П.А. Флоренский определил символ на основе особенностей его значения как «бытие, которое больше самого себя» (Florensky, 2006: 289). Квазисимволы способны манифестировать больше семантических пластов, чем невербальные.

Семантическая миссия квазисимвола заключается в адаптации для человека сложных абстрактных идей. В.Н. Телия выделяла в качестве дифференциального признака квазисимвола его идеиную ориентированность: «... словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно «замещает» некую идею» (Telia, 1996: 243). Значение квазисимвола диффузно, неопределённо. К.Г. Юнг характеризовал его как неподдающееся «точному определению или объяснению» (Jung, 2006: 15). Для плана содержания квазисимвола свойственна калейдоскопичность, ситуативность. Г.В. Зубко отмечала: «Символ ... связан с развитием смысла, его «упаковыванием» в некую структуру; он весь в сфере смысловых «узоров», смысловых сплетений и конфигураций» (Zubko, 2010: 46). Выступая своеобразным конструктором и регулятором действительности, квазисимвол может актуализировать различные смысловые грани в разных ситуациях. Например, квазисимвол *авоська* в различных контекстах реализует семантические слои ‘хозяйственность’, ‘бедность’, ‘обыденность’. *Кругом поспешают, обгоняют его другие взрослые. У каждого – своя авоська, свой портфель, свои знакомые. ... Едут люди в автобусе, в трамвае, в метро. До чего ж они сухи, замкнуты, чужды друг другу!* [И. Грекова. Знакомые люди (1982)] В данном фрагменте представлены семантические слои квазисимвола ‘хозяйственность’, ‘обыденность’ *Началось все, когда они только переехали и не было холодильника, да Лida и не убивалась у плиты. Холодильник появился, а привычка осталась – за окном вечно болталась авоська, по которой Валерка всегда мог найти свои окна. Мамы больше не было, а авоська с перемороженными, несколько раз растиавшими, слитшимися пельменями болталась за окном. Валерка смотрел, как она телепатится, и не мог оторвать от нее взгляд. И снять ее тоже не было никаких сил.* [Маша Трауб. Замочная скважина (2012)] В приведённом примере нашли выражение семантические слои квазисимвола ‘бедность’, ‘обыденность’.

[ruscorpora.ru]

В семантике символа главной движущей силой Г.В. Зубко называла «варьирование, движение смысла внутри...» (Zubko, 2010: 46). План содержания квазисимвола открыт для генерирования новых смыслов. Образование семантических слоёв осуществляется по принципу втягивания информации в смысловую структуру единицы. Тем самым, происходит формирование новых семантических слоёв квазисимвола: «Принцип втягивания, возможно, помогает понять, почему любой мифологический концепт, любой древний символ-знак, сама мифология, наконец, «втягивают» в себя все новую и новую информацию, «укладывающуюся» в них послойно» (Zubko, 2010: 95).

В семантической структуре квазисимвола особенно важно образное основание. Оно выполняет комплекс важных функций. Во-первых, образное основание создаёт когнитивно-семантическую платформу для формирования новых семантических слоёв. Этому способствуют разнообразные коннотации, порождаемые образом. Н.Н. Рубцов отмечал: «Символ – это всегда открытый образ, его смысл никогда не сводим к одному определённому значению, он всегда веер возможностей, смысловых перспектив. Этот веер потенциальных возможностей символа нередко парадоксальным образом связывает противоположности: один и тот же символ в зависимости от ситуации меняет лики – начинает представлять совершенно различные по своей природе явления» (Rubcov, 1991: 43). Учитывая постоянную семантическую динамику в плане содержания символа, в его структуре можно выделить архетипический слой, а также более современные семантические пласти, связанные с новым прочтением символа последующими поколениями. Так, квазисимвол *паутина*, имея архетипические слои ‘старость’, ‘ненужность’, под влиянием распространения интернета генерировал новый слой ‘всеохватность, связанность’.

Во-вторых, образ является способом верbalной презентации идеи, положенной в основу символа. Н.Н. Рубцов отмечал: «Символ есть способ отражения действительности, воспроизведение её в некоторой чувственно-наглядной и конкретно-осозаемой форме» (Rubcov, 1991: 33).

Ц. Тодоров отмечает следующую особенность символа: «Символическое – это нечто образцовое, типическое...» [Тодоров, 1998, с. 235]. Типичность символа, по М.Л. Ковшовой, проявляется в его устойчивости и воспроизведимости: «Символы представляют собой константы, особого рода устойчивые образы, в структуре которых предметный и глубинный смысл находятся в тесной взаимосвязи, что предопределяет регулярную воспроизводимость культурного символа» (Kovshova, 2017: 119). Типичность семантики квазисимвола важна для понимания его ментальной специфики: в когнитивном аспекте он соотносится с прототипом. Образ квазисимвола, передавая культурные знания, репрезентирует типичную ситуацию. Это третья функция образного основания в составе значения квазисимвола. Так, *баня* символизирует ситуацию, в которой человеку приходится тратить много физических сил. В данной ситуации человек ощущает себя так же, как если бы он находился в бане. *Каша* (в составе устойчивого выражения *зavarить кашу*) символизирует осуществление какого-либо дела. Каша является основным блюдом в рационе русских, её несложно готовить, что послужило основой для выбора образного основания символа. В культурно-когнитивном аспекте важно замечание Т. Абта: «Символы – это всегда совместный продукт архетипа и окружения в конкретный момент» (Abt, 2013: 14). Типичность квазисимвола, его образного основания определяется его архетипическими

корнями. Это свойство квазисимвола обеспечивает его трансляцию между разными парадигмами культуры.

В-четвёртых, образное основание играет важную семиотическую функцию. Оно обеспечивает связь значения и интенции квазисимвола с определённым отрезком действительности, делая значение символа произвольным. Н.Н. Рубцов отмечал: «Символ репрезентирует замещаемый им предмет путём структурного соответствия или аналогии с последним, то есть наглядно-образным способом, знак же – произвольным и безразличным к замещаемому им предмету» (Rubcov, 1991: 38).

Анализируя семантику квазисимволов мы установили, что при образовании семантических слоёв работают универсальные модели переноса по смежности и сходству. Так, значения квазисимволов: *барабан* ‘дисциплина, строгость’; *билет* ‘образ жизни, способ жизни, судьба’ – сформированы на основе смежности. При образовании этих значений включается импликационная когнитивная матрица: если *брюхо*, то символ материальной природы, физических потребностей, дармоедства, лени; если *вино*, то символ пьянства, зла. Здесь же нужно отметить модели расширения символического употребления образа. Ситуация, когда человек наступает на грабли, расширяется и обозначает уже возмездие за беспечность, невнимательность, непредусмотрительность. Ситуация прилипания первого блина к сковороде обозначает неудачное начало дела. Более продуктивен по причине высокого индекса креативности символа перенос, основанный на сходстве: *базар* – символ неразберихи, *баня* – физического напряжения.

Символ раскрывает своё значение, иллютивное задание в реальной ситуации, здесь и сейчас. Важной частью семантики и прагматики квазисимвола является компонент, содержащий информацию о эмоциональной рефлексии на действительность. В.Н. Телия различала понятия эмоциональности и эмотивности (Telia, 1996: 115). Эмоциональность первична, представляет собой результат переживания окружающей действительности. Эмотивность вторична, является следствием языковой рефлексии эмоциональности. Промежуточность квазисимвола, выражающаяся в том, что он формируется на верbalном уровне, а функционирует как знак культуры, даёт возможность заключить, что данной единице свойственна как эмотивность, что составляет часть её семантики, так и эмоциональность, формирующая её прагматику. Это связано с тем, что квазисимвол всегда переживается и отражает опыт эмоциональной рефлексии.

Эмотивность квазисимволов продуцируется, с одной стороны, культурным контекстом, с другой – образным основанием. Образ вербальных символов интерпретируется однозначно, либо как одобрение, либо как неодобрение. Так, образ гнезда становится основой символа домашнего очага. На

положительную интерпретацию образа влияют фоновые знания: почитание птиц, запрет на разрушение гнезда и др.

Основу образа символа *грабли* формирует сценарий получения удара по голове, когда человек становится на грабли. Данный сценарий оценивается как нежелательный, на основе чего формируется негативная оценочность и эмотивность неодобрения.

Дифференциальной чертой семантики и pragmatики символа является его ориентированность на изменение окружающей действительности, моделирование поведения интерпретатора. В этом заключается pragматическая миссия квазисимвола. А.Ф. Лосев справедливо отмечал: «Символ, заряженная множеством структура, призванная творчески переделывать действительность, а не мертвенно её отражать» (Losev, 1995: 17). Акциональность, императивность семантики символа даёт возможность учёным характеризовать квазисимвол как культурный феномен, обладающий высоким когнитивным энергийным потенциалом. Так, Н.Н. Рубцов указывал: «Символ …предстаёт как такое образование, которое наделено или заряжено значительно преобразующей и воздействующей на мир смысловой энергией». (Rubcov, 1991: 33 – 34). Интенцию императивности символ реализует с опорой на образ. Образное основание связано с представлением сценария разворачивания семантики символа. Например, образное основание квазисимвола *каторга* актуализирует в сознании сценарии тяжёлого физического подневольного труда. Этот аспект значения квазиэталона влияет на содержание образности. А.Ф. Лосев считал, что она отличается от образности метафоры: «Символическая образность в этом отношении гораздо богаче всякой метафоры; и богаче она именно тем, что вовсе не имеет самодавляющего значения, а свидетельствует ещё о чём-то другом, субстанциально не имеющем ничего общего с теми непосредственными образами, которые входят в состав метафоры» (Losev, 1982: 439). Н.Н. Рубцов полагал, что «сущность символа социально детерминирована, символ – опредмеченная форма общественных отношений» (Rubcov, 1991: 31). Из этих наблюдений следует важная мысль о том, что квазисимвол конструирует социальную реальность. Он интегрирует свой социум, понятен своим. Будучи направленным на изменение действительности, символ обеспечивает связь национальной концептосфера с идеосферой конкретного человека. Из этого следует вывод, что квазисимволы культурно детерминированы.

Соотносительные вербальные знаки в разных культурах могут характеризоваться разной релевантностью по отношению к реализации символического значения, то есть формально взятая вербальная единица в одной лингвокультуре обладает символическим значением, а в другой – нет.

Квазисимволы ценностно ориентированы: их можно распределить на идеологически детерминированные и недетерминированные. Первые относитель-

но устойчивы в историко-эволюционном аспекте, вторые привязаны к своей культурной парадигме. Они уходят в пассивный запас и не прочитываются интерпретатором, не связанным с данной эпохой. Примером идеологически детерминированных квазисимволов являются единицы, представляющие идеи советского времени, перестройки и др.: **маяк, заря, МММ** и др. В этом отношении справедлива мысль В. Бурлачук о том, что символ «...участвует в порождении определённых типов социальности» (Burlachuk, 2002: 120).

Заключение

В результате рассуждений о признаках квазисимвола предлагаем следующую дефиницию данного феномена. Квазисимвол – вид лингвокультурных единиц, являющийся результатом вторичной семиотизации и обозначающей какую-либо идею; элемент материальной культуры, имеющий вербальную природу, характеризующийся абстрактной семантикой, образностью, калейдоскопичностью, ситуативной ориентированностью значения и pragматической императивностью.

Для квазисимвола характеры следующие признаки:

- прецедентность семантики: значение символа понятно всем носителям лингвокультуры;
- семантическая многогранность (многослойность): квазисимвол может выражать несколько идей;
- парадигматичность семантики символа: это свойство даёт возможность символу, с одной стороны, употреблять в любом контексте, с другой – реализовывать своё значение вне контекста;
- образность: образ выполняет семиотическую функцию связи квазисимвола с идеей, репрезентирует свёрнутую программу действий, выражает его оценочность.

Acknowledgements. Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008) и болгарского Фонда научных исследований.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный корпус русского языка. ruscorpora.ru

ЛИТЕРАТУРА

- Абт, Т. (2013). *Территория символа*. Москва: Клуб «Касталия». 324 с.
Аверинцев, С. С. (1972). Символ. С. С. Аверинцев. *Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / под ред. А. А. Суркова*. Москва: Сов. энцикл., 1962 – 1978. Т. 7.

- Арутюнова, Н.Д. (1999). *Язык и мир человека*. Москва: «Языки русской культуры». 896 с.
- Бурлачук, В. (2002). *Символ и власть: роль символических структур в построении картины социального мира*. Киев: Институт социологии НАН Украины. 266 с.
- Голан, А. (1993). *Миф и символ*. Москва: Русслит. 375 с.
- Зубко, Г.В. (2010). *Древний символ. Истоки. Смысловая структура. Эволюция*. Москва: Университетская книга. 248 с.
- Ковшова, М. & Гудков, Д. (2017). *Словарь лингвокультурологических терминов*. Москва: Гнозис. 192 с.
- Лосев, А.Ф. (1982). *Знак. Символ. Миф. Труды по языкоznанию*. Москва: Изд-во Московского университета. 480 с.
- Лосев, А. Ф. (1995). Проблема символа и реалистическое искусство. А. Ф. Лосев. (2-е изд., испр.). Москва: Искусство. 320 с.
- Лотман, Ю.М. (2000). *Семиосфера*. Санкт Петербург: «Искусство-СПб». 704 с.
- Мамардашвили, М.К. & Пятигрский, А.М. (1997). *Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
- Рубцов, Н.Н. (1991). *Символ в искусстве и жизни. Философские размышления*. Москва: Наука. 176 с.
- Степанов, Ю.С. (1971). *Семиотика*. Москва: Наука. 168 с.
- Телия, В. Н. (1996). *Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Шк. «Яз. рус. культуры». 284 с.
- Телия, В.Н. (1999). *Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры*. Москва: «Языки русской культуры». С.13 – 24.
- Тодоров, Ц. (1998). *Теории символа*. Москва: Дом интеллектуальной книги. 408 с.
- Токарев, Г.В. (2018). Единицы языка и единицы лингвокультуры Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. *Материалы международной научной конференции*. Тула: ТППО. С. 405 – 409.
- Флоренский, П.А. (2006). У водоразделов мысли. *Флоренский П.А. Имена: Сочинения. П. А. Флоренский ; отв. ред. Е. Басова*. Москва: Эксмо. С. 5 – 322.
- Юнг К.Г. (2006). *Человек и его символы*. Москва: Медков С.Б., «Серебряные нити». 352 с.

REFERENCES

- Abt, T. (2013). *Territory of a symbol*. Moscow: Kastaliya club. 324 p.
- Averintsev, S. S. (1972). *Symbol. S. S. Averintsev: Short literary encyclopedia: in 9 vol./A. A. Surkov*. Moscow: Sov. encikl., 1962 – 1978. T. 7.
- Arutyunova, N.D. (1999). *The language and world of man*. Moscow: Languages of Russian Culture. 896 p.
- Burlachuk, V. (2002). *Symbol and power: the role of symbolic structures in building a picture of the social world*. Kiev: Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine. 266 p.
- Golan, A. (1993). *Myth and symbol*. Moscow: Russlit. 375 p.
- Zubko, G. (2010). *Ancient symbol. Sources. Semantic structure. Evolution*. Moscow: University book. 248 p.
- Kovshova, M. & Goodkov, D. (2017). *Dictionary of linguoculturological terms*. Moscow: Gnosis. 192 p.
- Losev, A.F. (1982). *Sign. Symbol. Myth. Works on linguistics*. Moscow: Moscow University. 480 p.
- Losev, A. F. (1995). *Symbol problem and realistic art / A. F. Losev*. Moscow: Art. 320 p.
- Lotman, Yu.M. (2000). *Semiosfera*. Saint Petersburg: Art SPb. 704 p.
- Mamardashvili, M.K. & Pyatigorsky A.M. (1997). *Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language*. Moscow: School “Languages of Russian Culture”. 224 p.
- Rubcov, N.N. (1991). *A symbol in art and life. Philosophical reflections*. Moscow: Science. 176 p.
- Stepanov, Yu.S. (1971). *Semiotics*. Moscow: Science. 168 p.
- Telia, V. N. (1996). Russian phraseology: semantic-pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow: Language. Russian cultures. 284 p.
- Telia, V.N. (1999). Priorities and methodological problems of the study of the phraseological composition of language in the context of culture. *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Languages of Russian Culture. p. 13 – 24.
- Todorov, Ts. (1998). *Theories of a symbol*. Moscow: House of Intellectual Book. 408 p.
- Tokarev, G. V. (2018). Units of language and units of linguoculture Polyparadigm contexts of phraseology in the XXI century. *Proceedings of the International Scientific Conference*. Tula: TPPO. P. 405 – 409.
- Florensky, P.A. (2006). At the Watershed of Thought. *Florence P.A. Names: Writings / P. A. Florence; E. Basov*. Moscow: Eksmo. P. 5 – 322.
- Jung, K.G. (2006). *Man and his symbols*. Moscow: Medkov S.B., “Silver Threads”, 352 p.

ON THE FEATURES OF A QUASI-SYMBOL

Abstract. The author proceeds from the assumption that a quasi-symbol is a kind of cultural symbol. It is established that the verbal nature of a quasi-symbol determines the specifics of its meaning and functioning. The verbal shell of symbolic meaning is more plastic than the nonverbal one. Quasi-symbols can be used either absolutely, in the form of independent whole-formed units, or non-absolutely as parts of phraseological units and paremias. The definition of a quasi-symbol is carried out by modeling the situation in which it realizes its actional potential. In the cognitive aspect, the quasi-symbol is related to the prototype. It is revealed that the semantics of a quasi-symbol is formed on the basis of connotations of words. The quasi-symbol content plane is open for generating new meanings. The meaning of such a unit is typically abstract, kaleidoscopic, and situation-oriented. It is proved that the quasi-symbol is a kind of constructor and regulator of reality. It is proved that the figurative basis plays a key role in the semantics of a quasi-symbol: it forms a cognitive-semantic platform for the formation of new semantic layers, acts as a means of objectivizing ideas, represents a typical situation, implements the intention of imperativeness, and performs a semiotic function. When forming semantic layers of a quasi-symbol, universal transport models by adjacency and similarity work. The actionality and imperative semantics of a quasi-symbol determine its energetic potential. It is determined that quasi-symbols are value-oriented: they can be divided into ideologically deterministic and non-deterministic. In the course of the analysis, it was found that the quasisymbol is characterized by the following features: abstract semantics, imagery, kaleidoscopy, situational orientation, imperativeness, precedence, semantic diversity, paradigmatism.

Keywords: language; culture; symbol; quasi-symbol; semantics; pragmatics.

✉ Prof. Grigoriy Tokarev, DSc.

ORCID iD: 0000-0002-2362-0902

Head of Department

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russia

E-mail: grig72@mail.ru

✉ Dr. Nadya Cherneva, Assoc. Prof.

Web of Science Researcher ID: ANN-6550-2020

ORCID iD: 0000-0001-8593-0642

Vice-Rector

Paisii Hilendarski University of Plovdiv

Plovdiv, Bulgaria

E-mail: cherneva@uni-plovdiv.bg